

ik

DON DELILLO ●
ZER●K

ДОН ДЕЛИЛЛО НОЛЬК

РОМАН

Перевод с английского
Любови Трониной

издательство **АСТ** Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д29

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Делилло, Дон.

Д29 Ноль К : роман / ДОН ДЕЛИЛЛО ; пер. с англ. Л. ТРОНИНОЙ. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-17-095999-0

В новом романе Дона Делилло затрагиваются темы, всегда интересовавшие автора: искушения, которые готовят новые технологии, власть денег, страх хаоса. Росс Локхард вложил крупную сумму денег в секретное предприятие, где разрабатываются способ сохранения тел до будущих времен, когда новые технологии позволят вернуть их к жизни. И он, и его тяжело больная жена собираются испытать этот метод на себе. Сын Локхарда Джеффри выбирает жизнь, предпочитает радоваться и страдать, испытывать все, что уготовано ему на пути.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095999-0

© Don DeLillo, 2016

© Л. Тронина, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

Оглавление

Часть первая
ВО ВРЕМЕНА
ЧЕЛЯБИНСКА
9

Часть вторая
ВО ВРЕМЕНА
КОНСТАНТИНОВКИ
187

Посвящается Барбаре

Часть первая

ВО ВРЕМЕНА
ЧЕЛЯБИНСКА

1

— *Все хотят распоряжаться концом света.*

Так сказал отец, стоя у арочного окна в кабинете своей нью-йоркской конторы: управление частным капиталом, семейные трасты, развивающиеся рынки. Мы редко делили друг с другом подобные минуты, минуты задумчивости, и завершенность этому мгновению придавала одна деталь — старомодные отцовы очки от солнца, частица уличной тьмы. Я рассматривал украшавшие кабинет произведения искусства, более или менее абстрактного, и понимал, что протянувшееся за словами отца молчание относилось не к нему и не ко мне. Я думал о его жене, второй жене, которая занималась археологией, — той, чья душа и слабеющее тело вскоре, точно по графику, начнут перемещаться в пустоту.

Та минута вспомнилась мне через несколько месяцев и полмира. Пристегнутый к заднему сиденью, я ехал в бронированном хетчбэке с затемненными боковыми окнами, непрозрачными снаружи и изнутри. За перегородкой сидел водитель в футбольной майке и спортивных штанах, топорщившихся на бедре — очевидно, в кармане лежал пистолет. С час мы тряслись по уха-

бам, наконец он остановил машину и что-то проговорил в небольшое устройство, висевшее у него на груди. Затем голова его отклонилась на сорок пять градусов в сторону заднего правого сиденья. Я так понял, пора мне отстегивать ремень и выметаться.

Поездка на автомобиле была последним этапом моего бесконечного путешествия, я подхватил дорожную сумку, отошел от машины и постоял немного, чумя от жары и привыкая к вертикальному положению. Загудел двигатель, я обернулся. Автомобиль направился обратно, к частному аэродромчику, и оказался единственным движущимся объектом в поле зрения, но вскоре тоже должен был скрыться в складках рельефа, в меркнувшем свете, за чистейшим горизонтом.

Я завершил поворот вокруг своей оси, медленно обводя взглядом солончаки и каменные россыпи — пустынные, если не считать нескольких приземистых строений, возможно, связанных между собой, слившихся с бесцветным пейзажем. А больше ничего, нигде. Я не знал толком, куда еду, знал одно: место это уединенное. Сразу представилось, что слова, сказанные отцом тогда, у офисного окна, нашептала ему здешняя бесплодная земля, перемешанная с обломками прямоугольных каменных плит.

Теперь он был здесь, они оба были — отец и мачеха, а я приехал нанести кратчайший визит и сказать неуверенное “прощай”.

Оттуда, где я стоял, строения трудно было сосчитать. Два, четыре, семь, девять. Или всего одно — центральный блок и отходящие лучами пристройки. Мне

представилось, что это безымянный город, еще не открытый, живший автономно и хорошо сохранившийся, покинутый представителями какой-то неизвестной кочевой культуры.

Тело мое, казалось, ссохлось от жары, но хотелось постоять еще, посмотреть. Дома-беглецы, герметичные жилища агорафобов. Притихшие, угрюмые здания с глухими стенами и невидимыми окнами. А когда программа воспроизведения видео рухнет, они просто сложатся и исчезнут, как и задумал автор.

По мощеной дорожке я подошел к широкой арке с воротами, где стояли и смотрели на меня двое мужчин. Майки другие, штаны на бедрах топорщатся так же. Нас разделял ряд оградительных столбиков — автомобилям въезд на прилегающую территорию был закрыт.

Поодаль, с внутренней стороны арки я увидел еще две странные фигуры — закутанных в чадры женщин.

2

Отец бороду отрастил. Удивил меня. Борода у него поседела чуть больше, чем голова, и, казалось, оттеняла глаза, отчего взгляд делался пронзительнее. Зачем он отпустил бороду? Собрался новую веру принять?

— Когда это случится? — спросил я.

— Готовимся каждый день, каждый час, каждую минуту. Скоро, — ответил отец.

Ему, Россу Локхарту, широкоплечему, подвижному, было уже за шестьдесят. Солнцезащитные очки лежали перед ним на столе. Я привык встречаться с отцом в офисах — то в одном, то в другом. Он и здесь устроил временный офис: в комнате стояло несколько мониторов с клавиатурами, еще какая-то техника. Я знал, что во все это предприятие, в проект под названием “Конвергенция”, отец вложил большие деньги — конечно же, ему любезно предоставили кабинет, создали условия. Должен же он был поддерживать связь со своей сетью компаний, агентств, фондов, трастов, синдикатов и прочих учреждений, общин и кланов.

— Как Артис?

— Готова целиком и полностью. Никаких сомнений, никаких раздумий.

— Мы ведь не о бессмертии души говорим, так?
А о теле.

— Тело заморозят. Погрузят в криосон.

— А когда-нибудь в будущем...

— Да. Придет время, и люди найдут способ бороться с осложнениями, из-за которых наступает смерть. Тогда разум и тело возродят, вернут к жизни.

— Идея ведь не новая, правда?

— Не новая. Но эта неновая идея скоро будет наконец воплощена.

Я как-то растерялся. Наступило утро первого дня, который мне предстояло целиком провести здесь, напротив меня сидел отец, но все было непривычным — и ситуация, и обстановка, да и этого бородатого мужчину я не узнавал. Наверное, только по пути домой начну хоть что-нибудь понимать.

— И ты веришь в эту затею безоговорочно.

— Безоговорочно. С медицинской, технической и философской точки зрения.

— Домашних животных в такие программы вписывают, — заметил я.

— Не здесь. Здесь — никаких сомнительных экспериментов. Никакого самообмана и ничего второстепенного. Мужчины и женщины. Смерть и жизнь.

Ровный тон человека, бросающего вызов.

— А мне можно посмотреть, где это все происходит?

— Вряд ли.

Сразу несколько болезней сделали Артис, жену отца, инвалидом. Насколько я знал, в основном ей